

Андрей Клепаков

О П Е К У Н

Андрей Клепаков

Опекун. Повесть

«Издательские решения»

Клепаков А. И.

Опекун. Повесть / А. И. Клепаков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908107-0

Дядя, после смерти матери забравший маленькую племянницу к себе, или родной отец, бросивший семью несколько лет назад. С кем захочет остаться ребенок? Трагическая история детской любви.

ISBN 978-5-44-908107-0

© Клепаков А. И.
© Издательские решения

Опекун Повесть

Андрей Иванович Клепаков

© Андрей Иванович Клепаков, 2019

ISBN 978-5-4490-8107-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Писатель и драматург Дмитрий Данилов автор пользующихся успехом пьес «Человек из Подольска» и «Сереза очень тупой» представляет повесть Андрея Клепакова.

Мое знакомство с текстами Андрея Клепакова началось с повести «Опекун». Я начал читать – и прочитал, практически не отрываясь. У повести интересный и мрачноватый сюжет. Одинокий мужчина средних лет, неплохо зарабатывающий и живущий впсвое удовольствие, неожиданно для самого себя берет опеку над девятилетней девочкой, дочь его умершей двоюродной сестры. Девочка осталась сиротой, и у нее появился вот такой опекун.

Главный герой повести – изрядная сволочь, хоть и не лишенная обаяния. В определенный момент он задумывает и осуществляет довольно-таки чудовищное и очень подлое уголовное преступление.

Я поймал себя на том, что сочувствую этому персонажу. Понимаю, что это не такая уж редкость, так бывает. Но я в принципе не склонен сопереживать персонажам в процессе чтения. Вообще, яркость и выпуклость персонажей – это не то, что меня особенно интересует в литературе, есть вещи и поинтереснее.

А тут – прямо вот хотелось, чтобы у этого чувака, преступника и подлеца, все было хорошо. Читал, смотрел на себя со стороны и удивлялся.

Мне кажется, такой эффект – это достижение для автора сюжетного текста с акцентом на психологию персонажей.

В повести много чего происходит, не буду пересказывать содержание. Происходят события, в основном, невеселые.

Текст проходит по касательной через разные жанры – тут и роман воспитания, и комедия положений, и детектив.

Читать очень интересно.

Еще интересен язык. Нет, здесь нет каких-то изысков, словесных игр. Все достаточно скупо, экономно. Но в какой-то момент понимаешь: этот язык абсолютно равен тексту, который им, этим языком, написан. Язык в точности соответствует задачам текста, ни больше, ни меньше. Нет ни неумелости, ни нарочитой демонстрации «литературного мастерства», «оригинального стиля» – а точно и в хорошем смысле просто рассказанная история.

Ничего лишнего. В этом смысле характерно самое начало повести: «Мне позвонили и предложили оформить опекунство. Иначе, сказали, девочку отправят в детский дом». Сразу к делу, без сложных вступлений и размазывания словесного вещества по листу бумаги. Юмор присутствует, но он правильно дозирован, не выпирает и не раздражает (а юмор в текстах часто раздражает). Все на своих местах. Проза, равная самой себе и авторскому замыслу. Я считаю все это ценными качествами.

Очень рекомендую.

Дмитрий Данилов

Мне позвонили и предложили оформить опекунство. Иначе, сказали, девочку отправят в детский дом.

Минут пять я не мог понять, что за девочка. После довольно долгого разговора с инспектором опекунского совета выяснилось, что умерла моя двоюродная сестра. И у нее осталась дочка, а я единственный имеющийся в наличии родственник.

Надо же, – подумал я, – Ирка умерла.

Последний раз я видел ее десять лет назад на ее свадьбе. И вот, здрасьте, померла.

– Ну, – спросил я, – а отец ребенка тоже умер?

Отец исчез, объяснили мне.

Точно! Я теперь вспомнил, муж Ирки развелся с ней лет через пять, кажется, и пропал. Затерялся на необъятных просторах нашей родины, а возможно, что и на просторах всего мира. Ирка подавала на алименты, но эти, как их, судебные приставы папашу беглого найти не смогли. До меня доходили тогда глухие слухи об этом.

Больше про Ирку я ничего не знал. Наши родители умерли, а сами мы, когда выросли, контактов никогда не поддерживали. В детстве, понятно, виделись часто. На одной даче летом жили. И вот теперь – пожалуйста, померла. Блин!

Я осторожно спросил, что значит опекунство. Объяснение было долгим и неприятным. Самое дерьмовое, как я понял, что ребенок должен жить со мной. Минимум до шестнадцати, сейчас ей было девять. Жопа! Я уже набрал воздух, чтобы сказать, сдавайте в детский дом... и не смог. Спросил, что надо делать, поинтересовался, от чего умерла Ира и где сейчас девочка.

Ирина умерла от рака, девочка в больнице, ее положили на время, пока не решится вопрос с детдомом или опекунством. А ехать мне надо к ним в управу, начинать оформлять документы. Оказалось, на другой конец Москвы. Черт!

Я положил трубку и длинно и витиевато выругался. Ирке на том свете, наверное, икнулось.

Две недели ушли на сбор справок: НД, ПНД, собственность, доходы, моральный облик. И через месяц я с инспектором опеки поехал забирать девочку.

Внутренне я смеялся, Господь нашел-таки способ всучить мне ребенка. Женат я был три раза, но без детей. Разводился, и из-за расхождения взглядов на этот самый вопрос демографии тоже.

В фойе больницы мы ждали, когда приведут девочку. Я разглядывал жизнерадостных зверушек на стенах больничного вестибюля и ряды машинок и кукол в стеклянных шкафах.

– Наверное, надо ей каких-нибудь игрушек купить? – повернулся я к инспектору.

Та пожала плечами,

– Наверное. Съездите потом на квартиру, ключи я вам дам, заберете там, что нужно, вещи ее, игрушки. Да и еще наследство надо будет оформлять, это тоже на вас ляжет.

Я вздохнул.

– В школу переведете поближе к вашему дому, – сказала инспекторша. Я кивнул. Я уже знал, что Маша, так звали девочку, последние полгода в школу почти не ходила. Ухаживала, как могла, за умирающей матерью.

– В какой класс? – спросил я.

– Она училась в третьем, должна была пойти в четвертый, но лучше посоветоваться с учителями. Много пропустила, может быть, ей лучше опять в третий. И так уже почти весь сентябрь прошел.

Я снова кивнул.

К нам подошла молодая женщина, миленькая, в очках. В пальцах она крутила визитную карточку. Поздоровалась с инспекторшей, улыбнулась мне:

– Здравствуйте, это вы Машу Кузнецову забираете?

– Я.

– Меня зовут Алена Николаевна, я психолог.

– Здравствуйте. Сергей, – представился я.

– Я бы хотела с вами поговорить.

Я в очередной раз кивнул.

– Можем пройти в мой кабинет, – предложила психолог.

Я оглянулся,

– А можно здесь? Вон там, например, – я махнул рукой в сторону двух тяжелых кресел, обитых коричневым кожаном. – А то девочку скоро приведут, не хотелось бы заставлять ее ждать.

Легкое недовольство мелькнуло в глазах девушки, но она согласно кивнула. Мы прошли и сели. Кресла оказались неудобными. Я развалился и утонул, психолог с выпрямленной спиной села на край. Строго на меня посмотрела,

– Маша сложная девочка. Вы знаете, что она два раза пыталась убежать из больницы?

– Да, мне сказали. Алена, я могу вас так называть? – спросил я. Девушка кивнула. – А куда она хотела бежать? Ведь кроме меня у нее вроде никого нет.

– В том-то и дело, что бежать ей некуда. Не буду углубляться в психологические дебри, но это попытка убежать не из больницы, а от травмирующей ситуации. Слава богу, что ее поймали. Страшно представить, в какую беду могла бы попасть, – девушка выразительно на меня посмотрела. – Уход отца, смерть матери, – продолжила она. – Девочка находится в сильной депрессии. Сейчас она очень замкнута, почти неконтактна. Вам будет с ней непросто.

Я пожал плечами:

– Но деваться мне теперь некуда. Племянница все-таки.

– У вас ведь своих детей нет? – спросила Алена Николаевна. – И опыта педагогического тоже?

– Нет. Но я думаю, что если девочку не обижать, в угол не ставить, строго не воспитывать, то мне удастся найти с ней общий язык.

– Вы терпеливый человек?

– Да, – соврал я.

– Хорошо. Потому что терпения вам понадобится много. Сказки на ночь рассказывать умеете? – вдруг спросила Алена.

– Что?

– Сказки на ночь. Самый простой путь к сердцу ребенка. Только нескучные и без тупой морали. Сумеете?

– Не пробовал, но думаю, что сумею, – самонадеянно заявил я.

Психолог вздохнула, протянула визитку:

– Звоните, не стесняйтесь, всегда проконсультирую. Если что, звоните сразу, не доводите ситуацию до открытого конфликта.

Алена встала, я с трудом выбрался из кресла. Мы попрощались. Психолог ушла, я искал глазами инспекторшу, та куда-то делась, и снова провалился в кресло. Закинул ногу на ногу и попробовал представить себе Иркину дочь.

«А что если девчонка глупая или толстая?» – вдруг испугался я.

Напротив меня очень полная мамаша успокаивала ревущего бегемотика. Развернув сникерс, мать совала шоколадку бегемотику в рот.

– Бли-ин, – подумал я обо всей авантюристности своего решения.

Потом увидел свою девочку. Ее, цепко ухватив за руку, вела инспекторша. Девочка была худенькая, даже тощенькая, светленькие волосы собраны на затылке в конский хвост. Клетча-

тое платье сидело кривовато, коричневые колготки пузырились на коленках. Она шла, глядя куда-то вбок и вниз. Сердце у меня екнуло, и я этому удивился.

Рядом шла врач со стетоскопом на шее и спортивной сумкой в руке. В другой руке она держала бумаги.

Я выскочил из кресла и сделал несколько шагов навстречу. Все остановились, врач поставила сумку на пол.

– Вот, Маша, познакомься, – сказала инспектор, – теперь ты будешь жить с этим дядей.

– Это мой папа? – спросила девочка, мельком взглянув на меня и снова уставившись в пол.

Инспекторша вопросительно посмотрела на меня. Я присел перед девочкой, пытаюсь поймать ее взгляд. Безуспешно.

– Нет, я не твой папа. Меня зовут дядя Сережа. Я двоюродный брат твоей мамы. Тебе придется жить со мной, это лучше, чем попасть в детский дом, – сказал я, выпрямляясь.

Маша никак не прореагировала.

Врач передала мне документы, список рекомендованных препаратов, потрепала девочку по плечу. Напутствовала ее бессмысленной фразой типа «будь хорошей девочкой» и попрощалась с нами.

Я поднял сумку, и мы вышли из больницы.

Спускаясь по ступенькам крыльца, Маша пробурчала под нос:

– Все равно сбегу.

– Куда? – спросила инспектор.

– Ты колобок? – удивился я.

Маша промолчала. Когда мы уже подошли к машине, девочка вдруг сказала:

– Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел, а от тебя и подавно уйду.

Поставив сумку в багажник, я хлопнул крышкой:

– А чего время зря терять? Поехали сразу к лисе. И бегать никуда не надо будет.

Предупредив мое предложение подвезти, инспекторша сказала:

– Я сама доберусь, езжайте.

Было понятно, что ей хотелось побыстрее от нас отделаться.

– Садись впереди, пристегнись только, – велел я Маше. Мне совсем не светило следить, как она будет на поворотах перекашиваться по заднему сиденью. Езжу я быстро.

Когда я сел в машину, девчонка открыла дверь и попыталась выскочить, я прыгнул и успел поймать ее за ногу. Она упала, наполовину вывалившись из машины, лягнулась свободной ногой, больно попала сандалией мне в лицо и отчаянно заорала:

– Спасите, помогите! Меня дядька чужой увозит!

Заслышав крики, инспекторша оглянулась, замерла на секунду и бегом бросилась к нам. Прохожие начали останавливаться, одна женщина достала мобильник.

Ухватив вторую брыкающуюся ногу, я смог втащить орущую девчонку обратно.

– Не волнуйтесь, – кричала на бегу инспекторша. – Я сотрудник опекунского совета! Эта девочка сирота, она в шоке, мужчина ее опекун. Все в порядке! Не обращайтесь к ней.

Около машины она остановилась и, порывшись в сумочке, достала удостоверение и, раскрыв его, показала самым любопытным.

Я ловил мельтешащие руки и ноги. В меня летели слюни и сопля.

– Дверь закройте! – крикнул я инспекторше. – Мне ее не удержать!

Хлопнула дверца, я ударил по кнопкам, блокируя двери. Девчонка вывернулась, куснула меня за руку и ткнулась в закрытое окно машины. Мне вдруг стало смешно, и я заржал. Девочка перестала биться и удивленно на меня посмотрела.

– Я поеду с вами, – закричала инспекторша. Я чуть приспустил стекло.

– Не надо, – все еще смеясь, ответил я. – Думаю, что справлюсь.

Маша сидела тихо и только строила страшные рожи.

– К лисе не поедем, – перестав смеяться, серьезно сказал я. – Ты ей пасть порвешь. Животное жалко.

– Я же говорю, все равно сбегу, – гордо ответила Маша.

– Может, и сбежишь, – согласился я, – только вот, смотри, – я достал смартфон и включил «Навигатор». На экране расплзлось зеленое пятно.

– Видишь, эта точка внутри зеленого круга, это ты. Пока ты была в больнице, тебе в тело вшили чип. И теперь всегда видно, где ты находишься. Это карта, вот больница, – я ткнул в экран, – а это – вон тот дом, – и показал пальцем на дом, перед которым стояла машина. Ирина, судя по всему, жила небогато, и вряд ли девочка была знакома с работой «Навигатора».

– Ты все врешь! – выкрикнула Маша. – Ничего мне не вшили!

– Вшили, – спокойно сказал я. – Под наркозом и вшили. Ты ничего не почувствовала. А что было делать? Ты же убегала, а как тебя ловить? Вот и вшили. Теперь и у меня, и у милиции маяк стоит. Тебе же надо в школу ходить, а не по просторам бегать.

– Врешь, – уже не так уверенно возразила Маша. – Шрам бы остался, и болело бы.

– На спине где-нибудь вшили, чтобы не видно было. А не болело, потому что таблетки давали. Батарейки на два года хватит, – для пущей убедительности добавил я. – Потом менять надо, меня предупредили.

По стеклу, привлекая мое внимание, постучала инспекторша.

– Я позвонила, сейчас придет доктор, укол ей сделает, доедете нормально, на ходу не выскочит.

Маша поерзала на сиденье. Я поднял глаза. К автомобилю подходила врач, у нее в руке под салфеткой угадывался шприц.

– Ну, – спросил я девочку, – будем колоть, или ты спокойно поедешь?

– Не хочу укол, – сказала она.

– Разумно, – согласился я. – Выбирай. Прокатишься на машине или проспешь всю дорогу.

Маша молчала. Подойдя, врач сказала:

– Держите девочку, я ей в руку колоть буду. Только крепче держите, она у нас бойкая.

– Ну? – спросил я. – Колем или пристегиваемся?

– А по правилам нельзя ребенка на переднем сиденье возить, – уходя от ответа, сказала Маша.

– А мне плевать. Я люблю всякие правила нарушать, – заявил я, жестом предупредив врачу, чтобы чуть подождала. – Ты ведь тоже любишь? Нарушать правила? – спросил я.

Девочка молчала.

– Ну, значит, будем нарушать вместе, – и я взялся за ремень безопасности.

Маша дала себя пристегнуть. Я заблокировал стеклоподъемник.

– Спасибо, – улыбнулся врачу, – вроде мы договорились.

– Может, ее лучше назад посадить, – предложила врач.

– Сзади мне будет труднее ее контролировать. Еще удавку на шею накинет, – засмеялся я. Доктор покачала головой.

– Удачи, – сказала она. – Телефон мой у вас записан, звоните, если что.

Я еще раз поблагодарил врача, улыбнулся инспекторше и завел машину.

Прокатиться не удалось. Пробки. Тачка еле ползла. Мы заскучали. Оба.

– Мне надо в туалет, – торжественно объявила Маша.

– Пять минут терпишь? – абстрактно поинтересовался я, прекрасно зная ответ.

– Нет, – радостно прозвучало. – Я сейчас описаюсь.

– Хорошо, – кивнул я, останавливаясь во втором ряду и включая аварийку. Сзади засигналили. Я вышел из машины, злорадно ухмыльнулся и показал средний палец вставшему за мной «Фольксвагену». Водитель зашевелил губами и включил поворотник. Как говорится: «Слов не слышно, но по губам видно – оскорбляет». Обойдя тачку и вынув из нее девочку, я сказал:

– У тебя два варианта: или ты писаешь прямо здесь, на газоне, под деревом, или мы идем к метро. Видишь голубые кабинки? Это туалеты. И ты писаешь там.

– Мне нужен нормальный туалет, в торговом центре.

– До торгового центра полчаса тащиться. Ты не доедешь, точно описаешься.

– Не описаюсь.

– Думаешь, оттуда легче сбежать? Как в кино? – Я достал телефон и включил «Навигатор». – Вот она – ты, – сунул смартфон девочке в нос. – Ты сбегаешь, я звоню в полицию. Тебя ловят с собаками. Знаешь, какие теперь у ментов собаки умные? Они смотрят на экран и бегут за движущейся точкой. У них на специальном ошейнике перед мордой устройство закреплено. А когда собаки тебя догоняют, они очень больно кусают за попку. Гораздо больней, чем укол. Зубы-то у них – милицейские.

Маша молчала. Я опустил перед ней на корточки:

– Я могу тебе что-нибудь купить, о чем ты мечтала? Барби, например, или домик для Барби? Или Барби с домиком?

– Шестой айфон, – ответила девочка и с интересом посмотрела на меня. Вот оно – поколение некст! Дети индиго. Я думал секунду.

– Знаешь, – сказал я, – шестой тебе будет неудобно держать. Он очень большой, давай купим пятый. Или пятый «S»?

– Ты врешь, – недоверчиво проговорила Маша.

Я кивнул.

– Я вру часто, почти всегда. Но не сейчас. Поедем, купим.

– Правда? – в потухших глазах девочки что-то зажглось.

– Садись в машину. Если описаешься – не купим.

До торгового центра было две остановки на метро. Мы ехали двадцать пять минут. Еще пять я крутился по стоянке, искал место.

Про туалет Маша больше не вспоминала.

Когда мы снова сели в тачку, девочка не отрываясь смотрела в айфон и самозабвенно нажимала кнопки. Я самодовольно улыбался.

– Привет, – сказала она кому-то в телефон. – Ага, я. Это мой новый номер. Запомни. У тебя какой скайп? Сейчас наберу. Жди. Хочу картинку показать. Не, пятый.

– Класс. Я-то думал, она в шарики играет, а она в скайпе зарегистрировалась, – покачал головой я.

Маша подняла айфон, взяла панораму, вид из окна, мой вид, и снова поднесла телефон к уху.

– М-да, с «Навигатором» я, пожалуй, пролетел.

– В мерседесе. Не, не папа, дядя. Ну, пока, позвоню еще.

– Это не «Мерседес», – сказал я, взглянув на девочку. Она сидела, сжав бедный айфон так, что у нее побелели костяшки пальцев. Ее глаза были полны слез.

Я отвернулся, делая вид, что ничего не заметил, и подумал, – какие, однако, страсти в девять-то лет.

– На обед пиццу будешь? – спросил я.

– Пиццу? – девочка задумалась. – Не знаю, буду, наверное.

– Ты, что пиццы никогда не ела?

– Не-а, – беззаботно ответила Маша.

Я позвонил в «Папа Джонс», заказал большую, морскую на тонком тесте. До дома оставалось уже недалеко, и, несмотря на пробки, были все шансы приехать раньше, чем ее привезут.

– Тапочки у тебя есть? – Маша топталась на коврик у двери.

– Тапочки? Нет, тапочек нет. Вытри ноги и проходи так. На улице сухо, особой грязи нет. Девочка продолжала стоять как приклеенная. Я задумался, вспоминая.

– Подожди, щас поищем.

Залез в тумбу для обуви и в глубине нашарил пару зайчиков. У одного было оторвано ухо.

– Вот, померяй, от девушки одной остались.

Тапочки оказались почти впору.

– В ванную заходи, руки мыть.

Я отрегулировал воду. Маша стояла рядом и крутила головой, разглядывая душевую кабину.

– Ручки давай, – сказал я.

Девочка протянула руки. Я намылил их жидким мылом.

– Ты что, мне будешь руки мыть? – удивленно спросила она.

– Ну, да. Всем моим девушкам очень нравилось, когда я мыл им ручки. На этом, собственно, они и горели, – мечтательно улыбнулся я.

– Они что, маленькие были? Только маленьким руки моют.

Вода с рук девочки текла почти черная.

– Я бы не сказал, что они были маленькими, обычные девушки, взрослые.

– Глупость какая, не понимаю, чему тут нравится.

– Доживешь до двадцати лет, поймешь, – усмехнулся я, вытирая ладошки и пальчики. –

Ногти надо подстричь, черные все.

– А вот ногти на правой руке стричь не умею, – призналась Маша.

– Подстригу, – успокоил я.

Раздался звонок в домофон. Привезли пиццу.

Маша съела половину, и смотрела еще на кусок. Я положил ей на тарелку. А я-то надеялся, что останется и на ужин. Ладно, поужинаем в кафе под домом. Других вариантов все равно не было. Одиноким, холостой мужчина, я как-то не особо склонен к занятию кулинарией.

– Ну, пошли устраиваться, – сказал я после обеда.

Для Маши была выделена спальня.

– Это будет моя кровать? Какая огромная.

Я кивнул. Таких, как она, на кровати могло комфортно поместиться штук шесть.

– Туалетный столик и пуфики уберу, купим обычный компьютерный стол. Пока заниматься будешь в другой комнате. В школу устраиваться пойдем завтра. Часть полок в шкафу уже освободил, можешь сейчас разложить свои вещи, я помогу. Потом съездим к тебе, заберем зимнюю одежду и что тебе еще понадобится.

Я оглядел комнату,

– Телевизор ночью не смотреть. Дом панельный, звукоизоляция плохая, соседи прибегут.

Курить только на балконе, даже зимой.

– Я не курю, – пораженно ответила девочка.

– Сейчас не куришь, а что будет года через три, никто не знает.

– Ты разрешишь мне курить?

– Я тебе все разрешу. Терпеть не могу что-то запрещать.

Девочка долго молчала, потом сказала:

– Но ты же запрещаешь смотреть ночью телевизор.

– Да, – согласился я. – Противоречие. Но жизнь и состоит из сплошных противоречий.

– Ты странный, – задумчиво сказала Маша.

– И желающий странного, – кивнул я. – Пошли в другую комнату.

В другой комнате стоял диван, на котором теперь мне придется спать, пара глубоких кресел, фальшивый камин с электрической подсветкой, наследие одной из моих жен, и компьютерный стол со старым стационарным компьютером.

– Комп отдам тебе, когда купим новый стол, – ткнул я пальцем в монитор. – Можно бы перетащить и этот, но он слишком здоровый, в комнате будет не повернуться.

На кухне зазвонил телефон.

– Твой, – сказал я Маше. Девочка опрометью бросилась бежать. Я прислушался. Ее разговор оказался коротким: «Привет. Я потом перезвоню».

– Приятель звонил? – спросил я, когда она вернулась в комнату.

– Подружка. В соседнем подъезде живет. Вместе в школу ходим, – объяснила Маша.

– Та, которой ты из машины звонила?

Девочка кинула.

– В одном классе учитесь?

Маша кивнула снова.

– Она не очень хорошая подружка, правильно?

– Да, не очень, – согласилась девочка.

– Но другой нет?

Маша промолчала.

– Хочешь, можем съездить к ней в гости?

Маша промолчала снова, а потом спросила:

– А ты разрешишь мне не ходить в школу?

– Я-то разрешу, – пожал я плечами. – Но в нашей стране обязательное среднее образование. Поэтому восемь классов тебе придется закончить. Хоть чучелом, хоть тушкой.

– Почему чучелом? – удивилась девочка.

– Анекдот такой есть про попугая.

– Расскажи.

– Расскажу, потом.

– Почему потом? Расскажи сейчас.

– Ты не поймешь, придется много всего объяснять. А мне лень.

– Это нечестно! – насупилась девочка.

– Конечно, нечестно, – кивнул я. – Я вообще очень нечестный.

Маша замолчала. Потом спросила:

– Ну?

– Что ну?

– Ну, почему нельзя в школу не ходить?

– А, – ответил я, – потому что я опекун, и тетя, которая сегодня была с нами – из опекунского совета, и она будет приходить и проверять, как ты у меня живешь. Ходишь ли в школу, хорошо ли ешь, не обижаю ли я тебя. Если ответы будут отрицательными, тебя у меня заберут и отдадут в детский дом. А там уж от школы не отвертишься.

Маша нахмурилась, что-то обдумывая.

– Значит, если я на тебя нажалуюсь, меня заберут?

– Да, – кивнул я.

– А тебя накажут?

– Не знаю, думаю, что нет. Хотя, в зависимости от того, что буду делать. Если ты в школу ходить не будешь – то просто заберут. Если я тебя голодом буду морить – накажут.

– А зачем?

– Что зачем? – не понял я.

- Зачем ты меня взял?
  - А что было делать? Не отдавать же тебя в детский дом?
  - Почему?
  - Ну, ты моя племянница.
  - Ну и что?
  - Ну, у меня только одна племянница. Ты, – улыбнулся я.
  - А если бы было много?
  - Я бы взял только одну.
  - Почему одну?
  - А на фига мне много племянниц? – засмеялся я.
- Маша пожала плечами и пробурчала под нос: «А на фига одна?» – и уже громче спросила:
- Про попугая расскажешь?
  - Расскажу, на ночь, вместо сказки.

На ночь, после ужина в кафе и душа в душевой кабине (Учились правильно крутить краны. Научились. Наводнения не было.), я рассказал анекдот. Маша не поняла. Пришлось долго объяснять, когда она, наконец, въехала, то не смеялась.

- Попугай умер? – спросила она.
- Нет, – ответил я. – Он улетел.
- Куда?
- Как куда? В Израиль, – ответил я и заржал. – Хоть чучелом, хоть тушкой. Спи давай, – и, поцеловав девочку в нос, погасил свет и вышел из комнаты.

На следующий день пошли в школу. Устраиваться. В кабинете директора посмотрели наши документы, спрашивали Машу по программе. На какие-то вопросы она ответила, на какие-то нет. Решили взять в четвертый класс, но мне настоятельно порекомендовали с девочкой позаниматься дома. И вообще первое время обязательно контролировать выполнение домашнего задания. Я согласно кивал, Маша болтала ногами и озиралась по сторонам.

Я отменил не очень важную встречу и из школы повез Машу в зоопарк. Ничего оригинальнее придумать не смог. В зоопарке Маша была один раз и очень давно, как она выразилась, в детстве. Я приблизительно тогда же. В общем, ей понравилось. Мне, в общем, тоже. Пообедали в центре в ресторане. По дороге домой заехали в книжный, купили целую кучу учебников и прочей школьной фигни. Список я получил у директора.

Попыток сбежать девочка больше не предпринимала. Процесс приручения лисенка вроде шел успешно.

Остановив машину у подъезда (нашлось место), я увидел, что Маша благополучно спит. Видимо, сказалось нервное напряжение последних дней.

Отстегнув девочку и подобрав валяющийся на сиденье айфон, я пристроил ее у себя на плече. Нагруженный книгами и девочкой, с трудом сумел ткнуть ключом в домофон. Дверь навстречу мне распахнулась, я еле увернулся от удара. Из подъезда вышла соседка по этажу,

- О, Сергей, оказывается, у тебя девочка. А ты и не говорил никогда. Дочка?

Пришлось ответить:

- Племянница, сирота. Теперь будет жить со мной.
- Маша проснулась, зашевелилась, и я спустил ее с рук.
- Как тебя зовут, милочка? – наклонилась к ней соседка.
- Маша набычилась и промолчала.
- Катя, – ответил я. – Просто стесняется немного.
- Маша удивленно подняла на меня глаза.

– А сколько тебе лет, Катенька? – умильно спросила соседка.
– Найн, – то ли по-английски, то ли по-немецки гавкнула Маша.
– Ничего не поняла, – выпрямилась соседка.
– А что вы хотите, – я улыбнулся и развел руками, – поколение некст, – и мы с Машей вошли в подъезд.

– Ах, Сережа, какой ты молодец. Сироту взял, – донеслось в спину, и дверь щелкнула, закрывшись.

– Почему ты сказал, что меня зовут Катя? – спросила у лифта Маша.
– Для нее и Катя сойдет. И вообще, не фиг всяким бабкам лезть к моей девушке.
– А кто это?
– Соседка по этажу. Противная старушенция. С детства не люблю. Она меня, впрочем, тоже.

– На бабу-ягу похожа немного, – задумчиво заметила Маша.
– Она и есть баба-яга, вполне настоящая. На помеле летает и детишек маленьких крадет.
– Ну да? – Маша даже рот открыла.

Я кивнул.

– Ты поосторожней с ней. Не расслабляйся, сопрет – только так.
– Да ну. Ты опять врешь. Никто на помеле не летает.
– Может, и не летает, – легко согласился я. – Но ты все равно поосторожней.
– А как ее зовут? – спросила Маша.
– Ягвида Станиславовна.

Маша хмыкнула.

– Поэтому ты ее бабой-ягой и зовешь?
– В детстве звал тетей Ягой. Ей очень не нравилось.
– Ты здесь с детства живешь?
– С самого-самого. Я здесь родился.

Мы вышли из лифта и подошли к двери.

– На, попробуй открой дверь, – протянул я Маше ключи. – Может быть, придется приходить из школы, когда меня не будет дома. Я все-таки работаю. Иногда.

Маша, высунув от напряжения язык, крутила ключом в замке. Замок щелкнул.

– Молодец, теперь второй, – я показал, как вставляется нижний ключ. Дверь открылась.
– Бабкам-ягам и всяким другим Кощеям, добрым молодцам и красным девицам дверь не открываешь, конфет не берешь, ключи не даешь и советов и предложений не слушаешь, в машины не садишься, а сразу посылаешь... Ну, сообразишь, куда послать? – спросил я, входя в квартиру и забирая у Маши ключи.

– Соображу, – важно кивнула девочка.
– Что будешь отвечать особо настырным?
– Отвянь, педофил, – презрительным тоном произнесла Маша.

Я заржал и покачал головой.

– Супер!

– А я твоя девушка? – спросила Маша.
– В смысле? – кашлянул я.
– Ну, ты сказал, что не фиг всяким бабкам лезть к моей девушке.

Секунду-другую я молчал, заглатывая назад все непрошенные шутки и ассоциации,

– Ну, раз ты не юноша и живешь у меня, то по-любому получается, что ты моя девушка, – улыбнулся я.

Маша удовлетворенно кивнула.

«Блин», – подумал я и, уходя от скользкой темы, спросил:

– Учебники сейчас посмотрим, или ну их на фиг до школы?

– Сейчас.

До школы оставалось два дня. Я договорился с директором, что приведу Машу в понедельник. Разглядывая учебники, чесал в затылке, какую программу для ребенка придумать на выходные. Придумал. Заказал билеты. На субботу в театр Образцова на «Лампу Аладдина», на воскресенье в Останкино на телебашню. Погоду вроде обещали хорошую.

Вечером после душа Маша лежала в постели, я сидел рядом и рассказывал сказку на ночь. Весь ассортимент известных мне сказок оказался знаком и Маше тоже. Чтобы не повторяться, пришлось придумывать по ходу.

– Это сказка про двух девочек – двух принцесс, которые потерялись во времени, перепутались и поменялись местами, – начал я.

– Как так? – раздалось с кровати.

– Ну, как? – сказал я. – Одна была настоящая принцесса, жила в замке, в сказочной стране, все как положено. А другая в нашем времени, в Москве, обычная девочка и принцессой была давно, в какой-то своей прошлой жизни.

– Прошлая жизнь? Разве это не враки? – последовал вопрос.

Пришлось рассказывать про прошлые жизни. История получилась увлекательной, и принцесс мы отложили на следующий раз. А пока договорились, что Маша постарается во сне увидеть свою прошлую жизнь, а я свою, и завтра мы поделимся приснившимся.

– Спи, – шепнул я, выключив свет и поцеловав девочку на ночь.

Утром ребенок чуть не плакал от разочарования. Прошлая жизнь не приснилась. Я успокаивал, как мог, аргументируя, что мне тоже не приснилась, и что сразу и не приснится, но надо стараться. И каждую ночь, ложась спать, надо хотеть, чтобы приснилась, и тогда когда-нибудь обязательно приснится. Сначала прошлая, потом позапрошлая, ну, и так далее в глубь веков, до египетских пирамид.

Про пирамиды Маша знала.

– А до пирамид? – спросила она.

– До пирамид были Ур и Элам.

Про этих Маша уже не слышала.

Пришлось рассказывать. Шумеры, боги Энлиль и Энке, царь Гильгамеш.

Однако пора было собираться в театр, и я предложил рассказать про Гильгамеша на ночь.

Но нет, на ночь были затребованы принцессы.

– А тебе снились твои прошлые жизни? – уже в машине спросила Маша.

Я кивнул.

– Снилось кое-что.

– Ур и Элам?

– Знаешь, мне трудно сказать, Ур это был или Элам. Там таблички при въезде не было. Но судя по тому, что я видел и чувствовал, скорее всего, действительно эти времена и это место.

– Расскажи.

Я рассказал. Закончил, как раз подъехали к театру. Маша плакала. Я улыбнулся:

– Ну, не расстраивайся, это же было так давно, и я потом еще сто раз родился. А в следующей был фараоном и дожил до ста лет. Пошли про Аладдина смотреть.

– Пошли, – всхлипывая, сказала Маша.

На Аладдине смеялись и хлопали. Я обратил внимание, что у девочки в углу рта показалась капелька крови. Видимо не смеялась очень давно.

На ночь начались принцессы: волшебные письма, феи, драконы и дальше по списку, рыцарь, конечно, ну и паж на закуску. Самому стало интересно.

Меня хватили за руку и просили: «Еще немножко!»

И я выдавал еще немножко, потом еще немножко, а потом все.

– Все, солнышко, спим, нам завтра на башню.

Ее вздох, мой поцелуй, и свет выключен.

Утром меня разбудил звон разбившейся на кухне посуды. Я посмотрел на часы. Безумное время, семь тридцать.

– Чего ей не спится, – пробормотал я, вставая и надевая халат.

На кухне стояла Маша с совершенно белым лицом и трясущимися губами. На полу валялись осколки разбитой кружки.

– Что случилось? – зевая спросонья, спросил я.

– Я кружку разбила, – прошептала девочка.

– Черт с ней, – равнодушно заметил я. – А что тебя в такую рань подняло?

– Я хотела приготовить тебе завтрак и разбила кружку.

Слеза медленно ползла по щеке девочки.

– Твою любимую, с драконами. Ты вчера говорил.

«Странно, – удивленно подумал я, – вчера сбегала, сегодня завтрак готовит. Или у детей это норма? Столь быстрый переход от ненависти к любви. Чуть пригрел ребенка, рассказал анекдот, сделал подарок – и готово? Доверие и любовь уже завоеваны?»

Я пожал плечами и шагнул ближе. Маша зажмурилась.

Я кашлянул. Девочка открыла глаза.

– У меня есть еще любимая, вот эта, с собачкой, – сказал я, снимая с полки кружку. Поднял ее повыше и отпустил. Осколки разлетелись по всей кухне. Маша, не понимая, смотрела на меня.

– Знаешь, я думаю, что без блюдца кружкам будет скучно, – я достал пару блюдца и одно протянул девочке. – Давай кидай, – улыбнулся я.

– Что кидать?

– Блюдце. К кружкам до кучи, чтоб не скучали, – и я шмякнул свое об пол. Брызнули осколки. – Давай, давай, смелее. Чего ты боишься? Посуду никогда не била? Давай. Привыкай.

Я взял блюдце из ее руки и бросил на пол. Девочка вздрогнула.

– А тарелки? – я взял тарелку и протянул Маше. – Тарелку сама, я посмотрю.

Маша выпустила тарелку из рук. Ударившись о керамогранитную плитку, тарелка раскололась на две половинки.

– Ну, кто же так посуду бьет, – протягивая девочке следующую, возмутился я. – Поднимаешь повыше и с силой об пол. Давай, я посмотрю.

Маша робко улыбнулась.

– Давай, тренируйся. А то с таким навыком замуж выходить нельзя. Тебя же проверять будут, как ты посуду умеешь бить.

Девочка высоко подняла тарелку, зажмурилась и со всей силы грохнула об пол. Звон разбившейся тарелки слился с трелью дверного звонка.

– Молодец! – сказал я и пошел открывать, недоумевая, кого это черт принес в такую рань.

В дверях стоял сосед снизу в майке, с сигаретой и мусорным ведром в руке. Я поморщился, сосед торопливо затушил сигарету о ведро и бросил окурок внутрь.

– Привет, Борь, – поздоровался я. – Ты чего с утра пораньше?

– Привет, – ответил он. – Да вот, пошел мусор выносить и слышу, у тебя посуду колотят.

Чего, жена вернулась?

– Нет, племянница.

– Ну, да? Крутая девушка, познакомь.

– Заходи, – посторонился я.

Борис оставил пустое ведро за порогом и прошел на кухню.

– Ути, господи! – воскликнул он, увидев Машу, стоящую среди осколков. – Это все твоя работа? – обвел он глазами кухню.

Маша смущенно пожала плечами.

– Правильно, – кивнул Борис. – С ним так и надо. А то у него бабы не держатся. Ты его вот так держи, – и Борька сжал кулак, показывая, как надо меня держать.

– Ну, привет, – выходя с кухни, ткнул он меня в плечо. – Не буду мешать вам развлекаться.

– Молодец, – сказал я Маше. – Видишь, Борьке понравилось, как ты посуду бьешь.

– А кто это? – спросила девочка.

– Наш сосед снизу. Ну, давай, теперь подметать.

Когда осколки были убраны, а пол на кухне и в коридоре даже пропылесосен, я спросил:

– А что ты хотела приготовить на завтрак?

– Яйца, – ответила Маша. – У тебя яйца есть?

Я прикусил язык, чтобы не пошутить.

– Должны быть. Посмотри в холодильнике, – предложил я.

Девочка открыла холодильник. Отсек для яиц помещался на самом верху дверцы.

– Высоко, мне не достать.

– Встань на стул.

Маша пододвинула стул к холодильнику.

– Омлет умеешь готовить? – спросил я.

Взобравшись на стул, она кивнула.

– Бери тогда четыре.

Маша двумя руками ухватила четыре яйца. Последнее, пятое, почему-то начало падать. Девочка качнулась, пытаясь его поймать. Я кинулся ловить Машу. Я сумел, она нет.

– Ну, – спросил я, держа испуганно глядящую на меня девочку, – бьем остальные?

– Нет, – неуверенно улыбнулась она, – есть будет нечего.

– Правильно, – я снял Машу со стула. – Готовим яичницу, омлет не получится. Молока нет. Сковородка в плите. Масло вот, – я достал из холодильника масленку. – Сейчас уберу разбитое яйцо и умоюсь, ты готовь пока.

Пока я чистил зубы и брился, Маша гремела на кухне посудой.

– Кофе варить умеешь? – спросил я, выйдя из ванной.

– Нет, мама не пила кофе, – ответила девочка, раскладывая чуть подгоревшую яичницу по тарелкам.

– Я сварю. Будешь кофе? Или лучше чай?

– Лучше чай. Я где у тебя хлеб? Я не нашла.

– В холодильнике. Я редко дома ем, чтобы не сох быстро. Чай какой, черный, зеленый?

– Обычный чай.

– Из пакетика пойдет?

– Пойдет.

Я сунул два куска хлеба в тостер, пакетик «Липтона» залил кипятком и сел за стол.

– А кофе? – спросила Маша.

– Потом сварю. А то яичница твоя остынет.

Позавтракав, мы отправились в Останкино.

Погода была отличная, прогноз не обманул, и на галерее, на стеклянных плитках пола мы оба визжали и боялись.

В общем, Week-end прошел вполне по-уикэндски.

Вечером позвонила Ольга. Спросила, забрал ли я племянницу, и предложила приехать. Я отвечал, что племянница у меня уже три дня, и, покосившись на Машу, добавил, что девочка хорошая, а вот с приездом попросил подождать. Пусть ребенок получше привыкнет, ей пришлось много пережить, да и характер у нее сложный, и у нас только-только начали выстраиваться отношения. И сейчас сталкиваться с чужим человеком ей совсем ни к чему.

– Это я чужой человек? – сразу последовал вопрос.

– Ну, для нее и я чужой человек, а ты уж и давно.

В трубке засопели, холодно ответили: «Ну, как хочешь», и послышались гудки отбоя.

– Это твоя девушка? – спросила Маша

– Это моя женщина. Чувствуешь разницу? – сказал я.

Маша не ответила и перевела разговор на принцесс.

Маша уже лежала в постели, а принцессы вовсю путались, когда послышался звук поворачивающегося ключа в замке, хлопок закрывшейся двери, и по плиткам пола процокали каблучки. Дверь в комнату отворилась, на пороге стояла улыбающаяся Ольга. В одной руке она держала торт «Панчо», в другой большую коробку с нарисованной на ней Барби верхом на мотоцикле.

– Привет, ребенок, – сказала она Маше, быстро кивнув мне. – Вылезай из кровати, будем торт есть. Ты любишь торт?

Маша молча смотрела на нее.

– Смотри, что я тебе принесла, Барби на мотоцикле. У тебя есть такая? – Ольга улыбалась.

– Он же сказал, чтобы ты не приезжала. Я слышала.

Улыбка медленно сползла с лица Ольги. Она вопросительно посмотрела на меня. Я развел руками и пожал плечами.

– Все уже так серьезно? – спросила меня Ольга.

– Поколение некст, – усмехнулся я. Потом потрепал Машу по плечу:

– Это тетя Оля, давай не будем ее обижать, раз уж она приехала. Вставай, пойдем торт есть. И Барби тебе замечательную привезла. С мотоциклом.

– Терпеть не могу Барби, дуру эту, – Маша отвернулась.

Я наклонился к девочке и шепнул в самое ушко:

– Она же не знала, хотела как лучше. Давай не будем тетю обижать, это ведь моя тетя. И торт вкусный. Вставай.

Я поднялся.

– Пошли, – повторил я. – Зубы второй раз можно будет не чистить.

– А сказка? – подняла на меня глаза Маша.

– Обязательно сегодня дорасскажу, – кивнул я.

Маша вздохнула и откинула одеяло. Ольга тоже вздохнула и, оставив коробку в комнате, с тортом пошла на кухню. Я поднял девочку с кровати и отнес на руках.

Сев на стул, я пристроил Машу у себя на коленях. Ольга включила чайник на девяносто пять градусов, достала из сумки и сунула в холодильник бутылку «Ахашени», полазила по жестянкам с чаем, выбирая какой заварить, расставила чашки и тарелки, разрешила торт и разложила по тарелкам.

Маша зевала, сидя на моих коленях. Ольга села за стол напротив нас и спросила девочку:

– Ты чего, как маленькая, на коленках у дяди сидишь?

Маша промолчала, только крепче прижалась ко мне. Тут, отключившись, щелкнул чайник, Ольга встала, сполоснула горячей водой фарфоровый заварник, насыпала чай, налила воду и уронила крышку от чайника. Крышка зазвенела по полу, но не разбилась. Ольга сказала: «Блин!», подняла крышку, накрыла чайник салфеткой и повернулась к нам.

– А ты умеешь бить посуду? – спросила ее Маша.

– А ты разве не знаешь, что к взрослым надо обращаться на вы? – посмотрела на нее Ольга.

Маша промолчала.

– Ну, если тетя Оля хочет, чтобы ты говорила ей «вы», то проблем никаких, будешь говорить ей «вы». Правда? – пришел я на помощь Маше.

Маша, очередной раз зевнув, равнодушно кивнула.

– А как ты зовешь дядю Сережу? – спросила Ольга.

– Просто Сережа, – ответила девочка.

– Мне кажется, что все эти «вы» и «дяди» слишком формально. Она как-то сразу стала мне говорить «ты», я не возражал.

– Хорошо, можешь звать меня просто Олей без тётъ и на «ты», – сделала шаг к сближению

Ольга. – А почему ты спросила, умею ли я бить посуду?

– Она нечаянно разбила кружку, пришлось поиграть в битье посуды, чтобы научиться бить правильно, – снова встрял в разговор я.

– Научились? – подняв брови, спросила Ольга.

– Вполне, – кивнул я.

– Борьке понравилось, – сказала Маша.

– Какому Борьке? – удивилась Ольга.

– Соседу с пятого этажа, – пояснил я.

– Ну, ты даешь, – вставая, покачала головой Ольга. Разлив чай по чашкам, она пододвинула тарелку с куском торта ближе к Маше. Та потянулась к торту, и рукав пижамы оказался в чашке с чаем.

– Ой! – сказала Маша. Ольга взяла полотенце и отжала в него край рукава.

– У тебя есть, во что ее переодеть? – спросила она меня.

Я проинспектировал мокрый рукав.

– Ничего. Не сильно промок, пока чай выпьем – высохнет.

– Он тебе мыл ручки? – спросила Ольгу Маша.

– Не поняла вопроса. Почему он должен был мыть мне руки? – удивилась та.

– Он мне сказал, что всем своим девушкам он мыл ручки. Чтобы они в него влюблялись. Мне тоже моет. Каждый день.

Ольга хмыкнула, рассмеялась, взглянула на меня, снова хмыкнула и, ничего не сказав, принялась за торт.

– Раз уж мы играем в маленьких, давай я тебя покормлю, – предложил я Маше, – пока посуда цела и все не промокли окончательно.

Девочка с готовностью открыла рот. Я взял вилку.

Когда кусочек торта оказывался у Маши во рту, глаза ее закрывались. Как в рекламе «Даниссимо». Торт был действительно вкусным.

– Пойду, покурю, – сказала Ольга, – пока идет это кормление детей и зверей.

Ольга вышла. Глаза у Маши не открывались уже и между кормлениями. Ее голова упала мне на грудь.

– Пошли спать. Вот глотни чая и пошли, – сказал я, поднося чашку к ее губам.

Маша выпила чай, так и не открыв глаз. Я отнес ее в спальню. Моего поцелуя она уже не почувствовала. Принцессы могли спокойно отдыхать до завтра.

Я вернулся на кухню. Ольга разливала вино по бокалам.

– Слушай, я какой-то джипарь подперла. Сделай милость, переставь мою тачку. Не хочу, чтобы он поднял нас завтра часов в шесть.

– Ты хочешь остаться на ночь?

– А ты нет?

– Да нам завтра в школу первый день. Мне надо ее отвести. Уроки в восемь тридцать начинаются. Чума просто. Это ж во сколько вставать надо? Я даже не считал еще.

– Ты так возишься с этим ребенком. Хочешь, я рожу тебе твоего собственного?

– Спасибо, не надо. Этот уже почти готов, осталось чуть-чуть помучиться. А свой – это с нуля. «Уа-уа» орать будет.

– Я и смотрю, как ты мучаешься. В тебе просто кладезь отцовства. Никак не ожидала такого увидеть.

– Я и сам не ожидал.

– Ну? – спросила Ольга, держась за ножку бокала. – Так мы пьем, или мне уехать?

– Давай ключи, – вздохнул я. – Только не высывайся из комнаты, пока мы не уйдем завтра. Видишь, девочка ревнует. Чего ей лишний стресс создавать.

– Это я, блин, ревную, – зашипела Ольга, – отец-одиночка, блин! Вот ключи.

– Давай выпьем за любовь, – сказал я, сгребая ключи со стола, – а то ты дерганая сегодня какая-то.

Ольга подняла бокал.

– Вообще не понимаю, как такой эгоист, как ты, мог взять чужого ребенка на воспитание!

– За любовь, – сказал я, мы чокнулись.

– Это потому, что ребенок – девочка, хорошенькая и умненькая, – ответил я, ставя бокал на стол.

Ольга замерла с открытым ртом.

– Ну, ты козел! – услышал я в спину.

– А то! – тихо, чтобы не разбудить Машу, заржал я, выходя из квартиры.

Когда, переставив Ольгин «пежик», я вернулся, то застал ее в душе. Раздевшись, я залез к ней.

– Дверь в кабину закрой, а то потоп устроим, и твой Борька снизу прибежит, – сказала, обнимая меня, Ольга.

Утром я проснулся за пять минут до будильника. Ольга безмятежно спала, уткнувшись носом в спинку дивана. Одевшись и тщательно закрыв за собой дверь, я прошел в ванную. Соорудив завтрак для Маши, отправился ее будить.

Девочка уже сидела на кровати.

– Вставай, умывайся. Завтрак на столе, – объявил я.

Себе я развел ударную дозу растворимого кофе. Варить нормальный не было сил, есть тоже.

Хоть школа и была во дворе дома, мы вышли за полчаса, потому что я еще хотел купить цветов.

На пороге класса, отдавая букет в руки девочки, я шепнул ей в ухо:

– Учительницу зовут Елена Сергеевна. Ты сирота, и у тебя есть я. Это много круче, чем обычные родители, как у всех. Тем более что у половины пап нет.

Маша оглянулась на меня, улыбнулась и толкнула дверь в класс. Я постоял несколько секунд, зевнул и пошел домой.

Когда я вернулся, Ольга спала, естественно. Я задумчиво посмотрел на диван, но не лег, а пошел в душ. Позавтракал, выжал сок из двух апельсинов для Ольги. Она по утрам не ест.

Сварил себе чашку кофе и стал ждать. Чего? Когда проснется Ольга, или когда вернется Маша? «Как, мои девочки, стерпится – слюбится, или станете конфликтовать?»

Кофе был черен, крепок и горек, как последний поцелуй, – вспомнил я Талейрана. Усмехнулся.

«Как же так получилось, что эта девочка забралась в мою жизнь? И так быстро, – думал я. – Никогда не хотел ребенка, и вдруг, как Ольга сказала, „кладезь отцовства“. Откуда? Почему мне нравится мыть ей ручки и рассказывать сказки? Бред какой-то», – я потер лицо руками. «А если Ольга не сумеет построить интерфейс с ребенком, что я буду делать? Девчонка-то, правда, не подарок. А ведь мне плевать, что не подарок и воспитывать ее „в правилах“ я не хочу, мне нравится в нее играть», – удивился я собственной мысли.

– Дочки-матери, блин, – проговорил я вслух.

«Избалую ведь, превращу в чудовище».

Я вспомнил детство, родителей. «Меня тоже баловали сильно, но чудовищем вроде не стал. Или стал?» – снова усмехнулся.

Ольга проснулась в десять. Мне как раз начали звонить клиенты. Я поставил перед ней стакан сока и ушел в комнату разговаривать.

Когда, приблизительно через час, вернулся на кухню, Ольга красилась.

– Ты как сегодня? – спросил я ее.

– А ты? – прозвучало в ответ.

– Мне надо с Машей съездить к ней домой забрать ее зимние вещи.

– Зима близко? – усмехнулась Ольга.

– Ну, осенние, и вообще, посмотреть, что там из барахла ей может понадобится.

– Обязательно сегодня?

– У тебя есть предложения?

Ольга оторвалась от зеркала и посмотрела на меня.

– Ну, мы могли бы провести сегодняшний день вместе.

– С Машкой? – спросил я.

– Ну, как теперь без нее, – вздохнула Ольга. – Личная жизнь, как я понимаю, закончилась, осталось только семейное счастье.

– Ты же хотела ребенка. Вот получите, в качестве тренировки, – пожал я плечами.

– Я замуж хотела. И хочу, – Ольга в упор посмотрела на меня.

– Думаешь, четвертая попытка будет удачной? – усмехнулся я.

– Должен же ты утихомирится когда-нибудь, – Ольга вернулась к покраске глаза. – Тебе сколько лет, сорок?

– Тридцать девять, я еще молодой.

– На день рождения подарю календарь дожития.

Я заржал.

– А что у тебя завтра? – отсмеявшись, спросил я.

– Завтра перевожу.

– Блин. У меня завтра сделка, я хотел тебя попросить с Машкой посидеть.

– Никак, – Ольга развела руками. – У меня два дня синхрон.

– Ладно, какие у тебя предложения на сегодня?

– Может, пойдем, погуляем где-нибудь? Погода хорошая, золотая осень.

– В парк?

– А правда, поехали в Коломенское. Сегодня понедельник, народа будет не много. И днем без пробок проскочим.

– Хорошее место, – кивнул я. – Только там для ребенка ничего интересного нет.

– Ну, в зоопарк тогда.

– Были уже.

Ольга качнула головой и внимательно на меня посмотрела.

– В Парк культуры, на аттракционы.

– Там не припаркуешься ни фиги. Вечно все забито.

– Под мостом, по-моему, платная есть.

– О, придумал. Встанем на Ленинском, у Нескучного. Там спортивный на углу. Купим ей велосипед. Пусть она катается туда-сюда, а мы пешком пойдем. Там до аттракционов полчаса прогуляться. И кафе – хренова туча. Найдем, где перекусить.

– Хочешь купить ей велосипед? А вдруг у нее есть, и только забрать надо.

– Ну, как вариант. Да и какой у нее может быть велосипед, так, старье какое-нибудь. Ладно, решили.

– А как ты потом велосипед домой попрешь? Он к тебе в тачку влезет?

– Купим такой, чтобы влез. Ей все-таки детский нужен. Складной можно.

– Ну, хорошо, – пожала плечами Ольга. – Покупай.

Зазвонил мой мобильный. Звонили по поводу завтрашной сделки. Как обычно, в последний момент возникли осложнения. Пришлось утрясать нюансы, искать компромиссы, уговаривать клиентов. Я часа два вел челночные переговоры. Матерился про себя, ругал идиотов контрагентов, но сделку вроде спас. Если, конечно, завтра очередная шлея не попадет под хвост очередному придурку.

Вышел на кухню, где Ольга, уткнувшись в свой ноут, готовилась к переводу.

– Кофе будешь? – спросил я.

– Угу, – промычала Ольга.

Я взялся за джезву, и в этот момент ожил домофон. Взглянув на часы, понял, что четыре урока закончились.

Я открыл дверь. Маша влетела в квартиру.

– Я получила пятерку! – закричала она с порога. Увидела вышедшую в переднюю Ольгу, замолчала и остановилась, словно налетев на стену.

– Молодец, – улыбнулась ей Ольга, – а по какому предмету?

– Она здесь всегда живет? – повернулась ко мне Маша.

Я кашлянул.

– Приезжает погостить иногда. Так по какому ты получила пятерку?

– По чтению, – буркнула под нос Маша. Ольга покачала головой и ушла на кухню.

– Пошли ручки мыть, – открыл я дверь в ванную.

В ванной Маша с готовностью протянула мне руки. Я включил воду.

– Сейчас перекусим и поедем в парк кататься на аттракционах, – сказал я, намыливая девочке руки. – Ты кушать хочешь?

– С ней? – спросила Маша.

Я кивнул.

– Зря ты так. Она хорошая.

Маша вздохнула.

– Ты ей ручки моешь?

– Нет, – улыбнулся я.

– А раньше мыл?

– Нет. Но я ее люблю.

Маша снова вздохнула.

– Хорошо, поехали, – сказала она.

– Извинись, пожалуйста, перед Ольгой.

– За что? – вскинула она на меня глаза.

– Когда она спросила тебя про пятерку, ты не ответила. Очень невежливо.

Маша промолчала. Я тоже промолчал, только вздохнул. Постарался потяжелее.

Когда мы вошли на кухню, Ольга нарезала хлеб и терла сыр. Она делала горячие бутерброды.

Зазвонил мобильник. Маша дернулась. Звонил мой. Я взглянул на экран и пошел в комнату доругиваться по сделке.

Когда вернулся, бутерброды были готовы. Ольга налила Маше чай и пододвинула тарелку. Для меня был приготовлен кофе.

– У тебя велосипед есть? – спросил я Машу.

– Нет, – с набитым ртом ответила она.

– Кататься умеешь?

– Угу, – кивнула Маша.

Дальше еда проходила в молчании. Когда все поели, Ольга поставила посуду в мойку и сказала:

– Вы пока собирайтесь, а я пойду, покурю.

– Она на балконе курит? – спросила Маша, когда Ольга вышла.

– Нет, на лестнице.

– А мне можно будет на балконе курить?

– Я надеюсь, что ты вообще не будешь курить, – улыбнулся я и продолжил: – Не будешь курить, пить, ругаться матом, делать татуировки, вставлять в нос пирсинг, нюхать кокаин, глотать колеса, гнать герыч по венам. Не начнешь в тринадцать лет тра... – тут я остановился. Маша сидела, открыв рот.

– А будешь хорошей девочкой и извинишься перед Ольгой, – закончил я.

– А мне не будет тогда скучно жить?

Я подавился.

– Если извинишься перед Ольгой? Не будет, – нашелся я.

Маша молчала.

Я молчал тоже. Не знал, что делать. Не хотелось на нее давить и не хотелось позволять ей хамить.

Так мы и домолчали до возвращения Ольги.

– Вы готовы, наконец? – спросила она.

– Я-я, – вполне по-немецки ответил я. – Поехали, – кивнул я Маше.

В спортивном магазине Маша, конечно, была удивлена покупкой велосипеда. Купили складной, легко помещающийся в багажнике шестидесятой вольво. К выбору цвета девочка отнеслась индифферентно. Больше выбирали мы с Ольгой. Продавец отрегулировал седло и руль по росту Маши, и железный конь был торжественно вкачен под золотую листву деревьев в парке.

А дальше выяснилось, что кататься Маша не умеет. Совсем.

Дорожки и аллеи Нескучного сада, по которым в детстве гонял в казаков-разбойников, я теперь пробегал рысцой, держа велосипед с Машей одной рукой за руль, другой за седло. Велик кренился, Маша падала, я ловил. Мы смеялись и кричали. Ольга с мрачным видом шла и курила или впереди нас, или далеко отстав.

Когда мы наконец добрались до аттракционов, то были взмокшие, уставшие и голодные. И я предложил сначала поесть.

Обед был слегка испорчен кислой Ольгиной физиономией. Как я ни старался вовлечь ее в беседу, шутил, говорил комплименты, настроение ее не улучшалось. Зато Машка была очень довольна. У нее начало немножко получаться кататься. Она рассказывала, что отлично умела гонять на трехколесном, и сказала наконец, за что получила сегодня пятерку.

«Вот ведь, господа, человека еще нет, девять лет всего, – думал я про нее, – а какая уже женщина, блин. Вот уж сучье племя, воистину».

После десерта Ольга сказала, что ей неплохо было бы поехать позаниматься перед завтрашним переводом. И что мы можем спокойно догулять, а она и сама отлично доберется на такси. Мне еле удалось уговорить ее остаться.

На аттракционах Ольга с нами не каталась. Единственно проехала кружок на колесе обозрения. Мы с Машей прокатились дважды. Велосипед мы оставили у дежурного. Потом на велике сидела Ольга, ожидая, пока мы накатаемся на очередных каруселях или американских горках.

Когда мы, наконец, засобирались назад к машине, Ольга сказала:

– Нет, ребят, давайте вы одни. Пока вы до тачки доберетесь, я уже дома буду.

И я не стал ее удерживать.

Однако добрались мы быстро. Машка устала, и ехать на велосипеде не могла. Она ехала на мне, а велик я катил рукой.

Как я и ожидал, Ольгиного пежо на стоянке у дома уже не было. На столе на кухне она оставила записку: I'll be back. И нарисовала кулак с поднятым большим пальцем.

– Можешь прочитать? – спросил я Машу. Английский она учила уже два года.

– Я буду в зад, – с запинкой перевела она.

Я заржал, не удержался.

– Нет, – смеясь проговорил я, – она не будет в зад. Она просто вернется. У тебя на завтра уроки есть?

– Поназадавали, – вздохнула Маша.

– Сейчас делаем уроки, потом ужин, душ и спать. И никакого телевизора, – составил я программу на вечер. – У тебя завтра непростой день. Когда ты вернешься из школы, меня дома не будет. У меня работа, поэтому обедать будешь сама. Если захочешь, можешь потом пойти погулять. Только от дома далеко не уходи, чтобы не заблудиться. И телефон с собой не забудь. Если что, звони мне. Потом еще поучимся дверь отпирать-запирать.

– А у меня ведь нет никакого чипа, правда? – спросила Маша.

– Конечно, нет. Я шутил, – улыбнулся я.

Маша кивнула.

– Ничего, я и так не потеряюсь, – пробурчала она себе под нос.

– Да, вот еще что, – продолжил я давать ценные указания. – Когда у тебя в школе сопрут айфон, а сопрут его обязательно...

Маша испуганно на меня взглянула.

– Не пугайся и не расстраивайся. Купим новый.

– Не сопрут, – уверенно сказала она.

– Хорошо, – не стал спорить я. – Давай теперь, что у тебя с уроками?

Ольга приехала через три дня. Я был рад ее видеть. Маша нет, и это тоже было видно.

– Оль, у нас с Машкой проблема, – сказал я, когда, после ужина и полученной порции принцесс, девочка была ингибирована в кровати. – Мы ездили к ней домой, там одежды для нее никакой нет. Или мала стала, или такая страшная, что на ребенка не наденешь. Давай мотнемся по магазинам, купим ей. Ты все-таки лучше в этом понимаешь.

Ольга поморщилась, но согласилась.

– Когда? – спросила она.

– Завтра пятница, давай на выходных.

– В субботу. В воскресенье иду к маме.

– В субботу если только с утра, потом дороги забьют, – теперь поморщился я.

– А что мешает? Я могу у тебя до воскресенья побыть. Заодно и обедом нормальным пару раз накормлю.

– По субботам Машка учится, бедные дети. Ладно, пусть у ребенка будет праздник, не пойдет в школу.

– У нее и так сплошной праздник с таким папой, – проворчала Ольга. – Лучше, небось, чем с родной мамой было.

– Конечно, лучше, – согласился я. – Мама у нее от рака умирала.

В субботу поехали в «Рио» на Севастопольском. Провели там полдня, и это были очень плохие полдня. Машке купили кеды и джинсы. Все. Вся остальная одежда была отвергнута. Нет, Маша не падала на спину и не кричала, что такое она носить не будет. Она с молчанием соглашалась на любое предложение. Но ее молчание было столь красноречиво, что сразу становилось понятно: она сирота, и выбирать у нее права нет, но эту модель, или этот цвет может предложить только человек с полным отсутствием вкуса и воображения.

Когда измученная Ольга пыталась добиться от нее, чего же та хочет сама, то ответом ей было молчание и пожатие плечами.

– Ладно, – сказал я, когда мы, наконец, выбравшись из торговой зоны, сидели в ресторане, – завтра поедем в «Мегу», может, там чего купим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.